

АНДРЕЙ РЕБРОВ

Река родного языка

Троице-Сергиева пустынь. 30-е годы

С землей сравнивали атеисты
Высокий храм монастыря.
Седой монах челом землистым
Припал к осколку алтаря.

Но ни поднять его, ни кинуть
Злодеи в старца не смогли,
Как будто камень тот руинный
Был тяжелее всей Земли.

РЕБРОВ Андрей Борисович родился в 1961 г. в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях оказало большое влияние на его произведения. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действительный член ИППО. Лауреат всероссийских литературных премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и государственные награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути темный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озёр,

Словно знаками звёздного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звёздно брезжились дали веков.

* * *

Хоть ран моих срослись края
И нет рубцов на коже —
Вся в синяках душа моя,
Синей небес погожих.

Знать и прадедовы глаза
Синели с той же силой,
Когда вздымал под небеса
Он врага на вилах.

И не от тех ли встречных лиц,
В блокадной мгле синевших,
Из отчих теплился зениц
Заветный свет нездешний?

И полыхает синевой
Сыновний взор бесстрашный...
Небесный огонь Руси Святой —
В очах и душах наших.

Осенний вечер

Купают ветви в невской пене
Златые купы ивняка.
И вверх по каменным ступеням
Шагает медленно река.

И вихрь бесплотными руками
Срывает с ветхих ив листву,
И золотыми облаками
Стремит куда-то за Неву.

И я, под ивой сиротливой,
Стою, утраты не таю, —
Как будто времени порывы
Уносят молодость мою...

Минует вечер, сникнет ветер,
Спадет вода... Взрастут года.
И, может быть, когда-то, в детях
Моих, нахлынувших сюда,
Неувядаемые эти
Дни возвратятся навсегда.

На смерть художника

Замер пульс часов, и вязко
Время в теле кабинета.
Блекнет кисточка без краски,
Как цветок, лишенный цвета.
Запустел мольберт и плотно —
Плотно скатаны полотна...

Лишь в оконной раме белой
Ночь и небо — без предела,
Светотоки звездных лет —
Свежий Вечности портрет,

Где мазком, что схож с кометой,
На пути в Бессмертье где-то,
Замерцала, чуть дрожа,
Чья-то светлая душа.

* * *

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет,
                                течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
                                сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

Клокочет море в камышах
 За каменной губою,
 И кровь шумит в моих ушах,
 Как вечный гул прибоя.

Но слышу, время, как в тебе
 Суставы жизни — при ходьбе —
 Скрипят от юрской соли,
 И на прокушенной губе
 Я ощущаю вкус скорбей
 И первородной боли.

Знать, просолила наши дни
 Навечно боль людская.
 Не оттого ль вода морская
 Крови клокочущей сродни?

Небоводье

Цветет небесный луг безбрежный
 Над затонувшей грядой,
 Где, под высокою водой,
 Как в первозданной зыби той,
 Лучится солнечный подснежник
 Сверхновой зыбкою звездой,
 Как будто явленной в зените
 Всего земного бытия,
 И вокруг нее, как по орбите,
 Течет к началу жизнь моя.
 И в этой вещи круговерти,
 В нездешнем росте донных трав,
 Я вижу жизнь за кромкой смерти,
 Я внемлю: «...Смертью смерть поправ...»

Русский воин

Он брел по жизненным просторам —	Как на стерне, взрастал живой.
Как суждено: то — вверх, то — вниз...	Знать, в небе прадеды-крестьяне
И родовым глубинным взором	Молились с ангельским стараньем
Вбирал намоленную высь.	О дольней ниве родовой.

Он умирал от крестной раны	Знать, Горней Родиной хранима,
В земле, в траншее полевой,	Русь — под заоблачным крестом —
Но вновь из пашни фронтовой —	Стоит, как древний храм незримый,
С библейской силой зерновой —	На всхожем поле боевом.

На церковных окнах — ризный снег Сочельника,
 Дымом и хвоею тянет из-под рам, —
 Будто бы на облаке взлетает с ельником
 С белою оградой православный храм.

Раздышу молитвою изморозь оконную —
 От простора белого — аж в глазах черно...
 А в дали над речкою, над долиной звонною,
 Как звезда Господняя, теплится окно...

Елочки завьюжены и сторожки заперты,
 Тропка запорошена — никого на ней,
 Только легким-легкие светятся у паперти
 Два следа от Ангельских маленьких ступней.

Но запели певчие, сотворив знамения,
 И запели сиверком зимние поля, —
 Будто бы со знаменным и с метельным пением
 Устремилась к Вышнему русская земля.

Любовь

Выйди ночью за порог	Это я, храня свечу
Со свечой в руке —	От семи ветров,
И увидишь огонек	Твоему огню шепчу:
В дальнем-далеке.	«Выведи под кров».

Крепчайшей стужею пьяним,
 И протрезвев немало,
 Поэт с приятелем своим
 Спешил Сенатской с бала.

Хоть друг его и брел,
 почти
 Ослепнув от метели,
 Но звал, не ведая пути,
 К какой-то светлой цели,

Вещал о деспоте-царе,
 О тёмном рёк народе,
 О перестройке в декабре...
 Иль что-то в этом роде.

Поэт же
 рядом, чуть скользя,

По льдистой шел дорожке,
Вздыхал и думал о друзьях,
Властях и
женских ножках.

На брань духовную

...И черный лес дымится, как зола,
И пламенеют выпуклые воды,
И православных храмов купола,
Как языки огня — до небосвода!

Грозна и свята утренняя Русь!
Не оттого ль в глазах ее народа
Такая удаль страшная и грусть,
Студеный огонь и пламенные воды ?

Подъяв над долом зарные крила,
Исполненные кротости и силы,
Как грозный Ангел Божий — Стратилат,
Взбраняет мир всходящее светило.

И трепетное таянье свечи,
И царственное щедрое даянье...
Калил и души наши, и мечи
Рассветный смертный пламень покаянья.

* * *

Рождает время прежние сюжеты,
Но ни строку, ни дни не двинешь вспять,
Знать, свыше предначертано поэту —
В душе чужие жизни продолжать.

Вживляя в строфы прожитые годы,
Он ощущает смертное родство
С грядущей высью русского народа —
В чьих душах длиться вечности его.

После дождя

Восходит солнышко над лугом,
Над миром, сущим тыщи лет.
И в каждой капельке упругой,
И в каждом миге — длиться свет.

И каждой сущею частицей —
Всей сутью — ощущаю я,
Что с тем насущным светом
длится
Душа бессмертная моя.

На закате

Кружится вран над старой бороздою,
Где солнца щит ржавеет в ковыле.
И небеса — красны, как поле боя,
Как поле битв, истекших на земле.

И на кресте заросшем, и былинках,
На каждой пяди вечности — окрест —
Горят, горят дождевики, как кровинки,
Как кровь солдат, излитая с небес.

Преображение

Глядится высь в разлившееся Небо,
Наводнены безбрежностью сады.

И с яблонь,

яко с жизненного древа,

В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.

И чудится,

что яблоки на водах,

В скопление,

сочетаются в века.

И те века плывут,

плывут...

И встречно

Течет им

жизнь грядущая моя.

И я гляжу на яблочную вечность,

Преображаясь чудом Бытия.